

Японский дневник. 1969

текст, подбор
иллюстраций и фото
Люциан Антипин

В середине шестидесятых годов прошлого столетия в СССР как результат «хрущевской оттепели» прокатилась волна образования городов-побратимов в разных странах мира с целью установления деловых, культурных, спортивных и др. связей. Нашему обществу, изолированному на долгие годы «железным занавесом», интересно было знать, как и чем живет остальной окружающий мир, увидеть, оценить его самим, а не через профильтрованные СМИ. Не знаю, каким образом происходил отбор какой-то страны и какого-то города, но стало известно, что наш Иркутск побратался с японским городом Канадзавой, а Братск и Шелехов – с другими японскими городами. В первую очередь, конечно, устанавливали дружеские связи официальные делегации и лица, а потом дошла очередь до туристических групп и делегаций. Эти делегации формировались в основном по профессиональному принципу, с учетом которого составлялся и маршрут пребывания в стране.

Одной из первых групп, направившихся в Японию, была немногочисленная по нынешним меркам (18 человек) делегация иркутских архитекторов, «разбавленная» для равновесия инженерами-строителями, которая в феврале далекого 1969 года отправилась в загадочную Страну восходящего солнца. Руководил делегацией известный в Иркутске партийно-хозяйственный работник Зверев Александр Михайлович. Маршрут и сроки пребывания в Японии нам были известны, город Канадзава значился в конце списка, а прежде мы должны были посетить Токио, Симоду, Атами, Киото, проездом – Нагоя и несколько мелких поселений.

Самолетом – до Хабаровска, поездом – до Находки, не заезжая во Владивосток. В Находке нас поджидал теплоход «Байкал», названный как будто в честь нашей делегации. Через сутки, переплыв Японское море и поднырнув под «железный занавес», мы оказались в Сангарском

проливе, разделяющем острова Хоккайдо и Хонсю. Отсюда по-настоящему началось наше знакомство с Японией.

Для начала в порту Хаодате, это на Хоккайдо, сдали японским медикам нашего судового врача, свалившегося с приступом аппендицита, что сразу же на несколько часов сбило наш график, и в порт Иокогамы «Байкал» пришел, не встреченный оркестром и цветами (возможно, этого и не предусматривалось этикетом). К тому же, Японское море, а затем и Тихий океан встретили нас штормом – и почти все мы пострадали от морской болезни, а потому самочувствие и настроение были не самыми «заграничными».

Разместились в автобусе, следующем в Токио, познакомились с нашим японским гидом. Катакуро-сан, очень интеллигентный очкастый японец, окончивший два университета и прекрасно говорящий по-русски, сразу обрушил на нас массу информации, что в сочетании с мелькавшей за окнами автобуса бесконечной инфраструктурой «Большого Токио» превратило наши головы в гудящие, плохо воспринимающие действительность элементы человеческого тела.

Поселились на Гиндзе, главной улице города, в отеле «Гиндза-Токю», поблизости от театра Кабуки. Трехдневное пребывание в Токио до предела насыщено посещением различных объектов, поездкой на новостройки и домостроительный комбинат, стоянием в автомобильных пробках (что для нас было тогда в диковинку), привыканием к японской кухне и левостороннему уличному движению. Основную информацию о городе получали из окна автобуса, от переводчика и от немногочисленных пеших прогулок по городским улицам. Поразило однообразие улиц: толпы одинаковых лиц, одинаково одетых, неразговорчивых, ничего не замечающих вокруг. Многие в белых марлевых повязках на лицах, как у нас в больницах во время гриппозных эпидемий. И в то же время эта толпа очень дисциплинированная – никто не перейдет улицу на красный свет, даже если на ней нет автомобилей и полицейского.

Катакуро-сан согласился поломать официальный маршрут и вместо корпорации «Сони» несколько архитекторов поехали в Дом архитектора. Незапланированная встреча в Доме с оказавшимися там в то время немногочисленными коллегами прошла в разговорах на русско-японско-английском языке и жестах, вполне удовлетворивших обе стороны. Союз архитекторов Японии образован в 1964 году и пока немногочислен, так как в него могут вступить только архитекторы, имеющие свои творческие мастерские. В Японии считают самыми большими архитекторами современности Кензо Танге и Маякаву, хотя Рен Судзуки, присутствовавший, с этим не согласен и считает себя тоже великим зодчим. Высоко ценится творчество Корбюзье, считается самой продвинутой промышленная архитектура СССР и у архитектора Нерви. В конце встречи мы настолько освоились, что один из нас, Володя Колпиков, разыскал по телефону самого Кензо Танге и попросил его о встрече, на что маэстро с большим сожалением не согласился, сославшись на лекции в университете.

Ночная Гиндза поразила обвалом сверкающей, движущейся, завлекающей рекламы, отсутствием автомобильного движения, зазывалами в различные увеселительные заведения.

Олимпийский комплекс, построенный к Олимпиаде-64 и знакомый нам по литературе, запомнился безлюдным, будничным и малогостеприимным. Аскетические конструкции

зданий, доведенные до высокохудожественного совершенства, отсутствие какого-либо декора наводят на мысли: так вот он какой – Кензо Танге.

Театр Кабуки, куда нас в один из вечеров затащил Катакуро-сан на какой-то спектакль, настолько самобытен и непонятен не японцу, что, промучившись полтора часа над созерцанием сцен из жизни самураев, мы с облегчением отбыли на отдых в свой отель.

Далее наш маршрут пролегал через многочисленные поселения к старой столице Японии городу Киото. В этом двухдневном автобусном маршруте через Симоду, Хеду, Атами мы ближе познакомимся с бытом и национальным характером японцев. Жили в гостиницах с бумажными стенами с полным отсутствием мебели в комнатах, спали на татами, водные процедуры принимали в вертикальных ваннах, ели то, что едят сами японцы. И даже носили кимоно. Правда, смотреть друг на друга без смеха было невозможно. Представьте себе группу людей, рост которых от 160 до 190 см, одетых в одежды одного размера, одного цвета и покроя. Трагикомические сцены происходили регулярно, даже в ресторане, когда тот же Володя Колпиков, запутавшись в складках кимоно, упал на столик с ресторанной едой. Хохотали даже всегда невозмутимые японки-прислужницы.

В Хеде, где знаменитая экспедиция адмирала Путятина восстанавливала русские фрегаты, разбитые землетрясениями и цунами, до сих пор помнят их и чтят память о русских моряках, из поколения в поколение передается легенда о тех временах. Наша делегация посетила кладбище, где похоронены русские моряки, погибшие во время цунами и от болезней. Могилы тщательно ухожены, власти выделяют средства на их охрану и реставрацию.

И вот мы в Киото. Население города – 1,35 миллиона человек; до 1968 года – столица Японии. Изобилие национальных сокровищ, около 1600 буддийских храмов. Город от войны не пострадал. В отличие от Токио имеет регуляр-

ную планировку, большое количество зеленых массивов и внутренних водоемов. Конечно, обязательным посещением для нас стал Дворец международных конференций, построенный в 1963 году архитектором Сатю Отани. Типичная послевоенная новояпонская архитектура: монолитный без отделки железобетон, стеклянные стены и великолепное использование особенностей ландшафта с включением его в интерьеры здания. Во Дворце 6 залов, большой – вместимостью на 3000 мест – снабжен системой синхронного перевода на 6 языков, в том числе и на русский.

Затем программа наша включала посещение многочисленных буддийских храмов и, конечно, Сада камней Риоандзи.

Скорым поездом (скорость более 200 км/час) отправляемся в конечный и основной пункт нашего пребывания в Японии – город Канадзаву. Поезд действительно

скорый – кресла установлены, как в самолете: все пассажиры сидят лицом вперед, не хватает только привязных ремней, окна не открываются, трудно ходить, особенно когда поезд идет на поворотах.

И вот Канадзава. Сначала не понимаешь, где находишься: нет площади, нет неба, нет зданий, образующих площадь, а только кабины лифтов, как в вестибюлях зданий. Как впоследствии оказалось, вокзал расположен под зданием гостиницы, и прибывшие пассажиры могут сразу попасть на нужный им этаж или в вестибюль гостиницы. Нас встречают цветами и подарками (про музыку не помню).

Отчетливо наблюдается какое-то замешательство среди японцев – похоже, нас пересчитывают, так как оказалась пара лишних подарков и букетов. А с нашей стороны их не получили мы – я и Ира Дагданова: нас приняли за японцев, сопровождающих этих русских.

Утро следующего дня началось с приема у мэра – господина Мори. Впоследствии Мори-сан часто приезжал в Иркутск и Шелехов во главе японских делегаций.

Запомнились многочисленные поездки по городским достопримечательностям – на телецентр, ткацкую фабрику, в школу, в клубы, приглашения в частные дома, рестораны, магазины, городской парк. Два дня пребывания в городе слились в один длинный праздничный променад. Канадзавцы прослышали о приезде русских и относились к нам более открыто, приветливо и доброжелательно, чем в других городах. В Клубе дружбы, куда нас пригласили в последний вечер пребывания в Канадзаве, перед нами выступали артисты, школьники, спортсмены. Большинство присутствующих японцев свободно говорили по-русски, так что создавалось впечатление, что мы находимся не в Японии, а как бы в Улан-Удэ.

По просьбе японцев и мы вынуждены были спеть «Славное море – священный Байкал». Очень старались, должно быть, всем понравилось, особенно баритон Володи Колпикова.

Вечер закончился поездкой в ресторан – конечно, с водкой, саке, пивом, музыкой и танцами. Все как у нас, только босиком.

Обратно в Токио возвращались таким же экспрессом и, переночевав в гостинице на Гиндзе, поутру выехали в Иокогаму, где нас уже поджидал теплоход «Байкал», вернувшийся из круиза по Малайзии.

